

Современные концепции «управляемого хаоса» в глобальном геополитическом противоборстве

Нурьшев Г.Н. g.nuryshev@yandex.ru

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет ИТМО
191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 9

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы современных концепций «управляемого хаоса», активно реализуемых в современном геополитическом противоборстве.

Ключевые слова: геополитика хаоса, турбулентность, самоорганизованная критичность, энтропийные процессы, управляемый хаос, ненасильственное оружие.

The modern concept of "controlled chaos" in the global geopolitical confrontation

Nuryshev G.N. g.nuryshev@yandex.ru

National Research of Information Technologies, Mechanics and Optics
Institute of Refrigeration and Biotechnologies

The article deals with the theoretical and methodological foundations of modern concepts of "controlled chaos", actively implemented in the modern geopolitical confrontation

Keywords: geopolitics of chaos, turbulence, self-organized criticality, entropy processes, controlled chaos, non-violent weapons.

В современных условиях в глобальном геополитическом противоборстве все активнее используются геополитические технологии «управляемого хаоса». Хаос - известная категория мифологии и философии с времен античности, которая в XIX в. была развита естественнонаучным пониманием статистического (теплового) хаоса, а в XX в. была дополнена еще и теорией динамического хаоса в детерминированных системах и концепцией когнитивного хаоса в теории сложности. В 1979 году вышла работа И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вызвавшая повышенный научный интерес к проблеме хаоса. Хаос (в науке - обозначается чаще всего термином «турбулентность») представляет собой чрезвычайно сложное, но вполне закономерное явление самоорганизации, связанное с регулярными или хаотическими переходами от беспорядка к порядку и обратно. Подобные явления описывают исходя из понятия «прерывистого равновесия» в теории «самоорганизованной критичности» - СОК, сформулированной П.Баком, Ч.Тангом и К.Визенфельдом в 1988 году. Переход системы в СОК-состояние эти авторы проиллюстрируют на примере песчаной кучи, которая постоянно пополняется песчинками. Когда

наклон кучи становится критическим, усиливается сход песчаных лавин, а затем снова начинается процесс накопления и т.д. Сойдет ли всего несколько песчинок, или целая лавина, угадать нельзя. Часть элементов такого рода сложных систем находится в предпороговом состоянии, когда достаточно небольшого толчка, чтобы накопленная энергия сбросилась. Усиленное энерговыделение может стимулировать сброс энергии элементов, более удаленных от порога, что лавинообразно увеличивает величину эффекта. Таким образом, сложные системы имеют свойство в процессе своей эволюции приходить к критическому состоянию, в котором небольшие изменения могут способствовать развитию цепной реакции, в результате которой система оказывается в состоянии хаоса[4].

В 2011 году в Институте прикладной математики РАН имени М.В. Келдыша состоялась научная конференция по теме «Математическое моделирование исторических процессов». «Мы с вами присутствуем при рождении новой науки – «математической истории», – заявил профессор Г. Малинецкий, заместитель директора ИПМ РАН, открывавший эту конференцию. – Математика в недалеком прошлом была «наукой тощей», способной решать лишь относительно узкий круг задач. Теперь с появлением новых математических дисциплин ей становится доступен даже исторический хаос»[2]. Конференция показала, что в современных условиях интерес к математической теории хаоса начинает проявляться не только при исследовании исторических, но и современных глобальных геополитических процессов, так как становится доступным их математическое моделирование.

Современные исследования турбулентных процессов позволили установить общие правила организации хаоса:

1. Хаос создается естественным путем посредством увеличения размеров самоорганизующейся части единой системы, а затем, после достижения неких критических рубежей, таким же образом гасится. В истории России нередко после достижения критического рубежа хаоса, «смутного времени» возникали процессы самоорганизации.
2. Критические рубежи состояния системы определяются физическими размерами системы и соотносятся друг с другом экспоненциальным образом. Так долготерпимость русского суперэтноса соотносится силой его «бессмысленного и беспощадного» бунта.
3. При движении от беспорядка к упорядоченному состоянию система регулярно возвращается по замкнутой траектории странного аттрактора Лоренца (т.е. турбулентно) в окрестности точки, где она уже когда-то была. Отсюда история развивается по спирали - но не идеальной гармонической, а реальной – турбулентной, с широкими границами (или замкнутой траектории «странного аттрактора»). Высокая степень изменчивости индикаторов исторических процессов при движении от цикла к циклу говорит о

необходимости учета энтропийных процессов, социально-политической активности масс.

4. «Масштаб хаоса» или «размер неопределенности состояния» (социальной) системы пропорционален физическим размерам системы. Чем он больше, тем неопределеннее поведение (социальной) системы. Этим объясняется непонятная многим (прежде всего европейцам) ситуация в России в ее историческом прошлом и в сегодняшнем настоящем. Перед лицом внешних угроз России свойственно периодически сжиматься, а затем, накопив духовные и материальные силы скачкообразно расширяться[5]. Социальные процессы показывают, что из хаоса в обществе не всегда рождается порядок, что порядок может возникнуть совсем не такой ожидаемый и прогнозируемый. Отсюда в геополитике возникла идея управляемого хаоса, сочетающего неустойчивость и избирательную разрушительность с творением новой геополитической ситуации, желательной для субъекта геополитической экспансии. Как отмечает И. Лебедева, исследователь из США, еще в 1967 году Фред Эмери, тогдашний директор «Тавистокского института человеческих отношений», считающийся экспертом по «гипнотическому воздействию» телевидения, указывал, что «синергетику» «подросткового роя» на рок-концертах можно будет эффективно использовать для разрушения национального государства к концу 90-х годов. Тавистокский институт, созданный британскими военными после Первой мировой войны стал ядром «Британского бюро психологической войны («Britain's Psychological Warfare Bureau»). Сегодня уже стало понятно, что многие методы нынешних «цветных революций» пилотно запускались и в СССР - как раз в конце 60-х годов во время молодежных бунтов и студенческих волнений в Западной Европе. Здесь можно вспомнить не только так называемый «план Маршалла для умов» (тайные операции, скупка ведущих журналистов, создание неформальных клубов «агентов влияния»), но и легальное расширение – под видом «разрядки» - межгосударственных культурных обменов для «невидимой подмены понятий». Потенциально подрывные, прежде всего экуменические, молодежные организации, проникали в Советский Союз по разным каналам молодежного обмена под самыми невинными наименованиями. Так, французская «Молодежь и реконструкция», работавшая в составе интернациональных студенческих строительных отрядов в Петродворце под Петербургом, была одним из филиалов УМСА – разветвленной псевдохристианской глобалистской структуры. Уже тогда вырабатывались методы основной конкурентной борьбы за человеческое сознание. Предусматривалось, что эмоциональное восприятие молодежью ввода советских танков в Чехословакию в 1968 году должно стать «предтечей» создания «глобального события» для трансформации сознания[1].

Во второй половине XX века стали вырисовываться контуры очертания целенаправленных геополитических процессов, в которых применялись средства создания управляемого хаоса в национальных экономиках и

социальной сфере тех или иных стран. Одним из первых западных исследователей термин «геополитика хаоса» употребил И. Рамоне. Он считает, что с геополитической точки зрения мир находится в состоянии большого хаоса. Речь идет, по его мнению, о чудовище с тысячами лиц, которое может принять в любой момент облик демографической бомбы, наркомании, мафии, этнического фанатизма, СПИД-а, ОПГ и т.д. Все это, предупреждает исследователь, представляет угрозу планетарного масштаба[6,С.5,15]. Нынешние события на Арабском Востоке, Северной Африке являются звеньями одной, извне спланированной цепи и полностью вписываются в разработанную в США геополитическую теорию «управляемого хаоса» («контролируемой нестабильности и турбулентности»), авторами которой являются, прежде всего Зб. Бжезинский, Шарп Джин и Стивен Манн, которые имели отношение к «цветным революциям» в республиках бывшего СССР. Зб. Бжезинский писал: «В технотронном обществе видится тренд в направлении агрегации миллионов индивидуально поддерживаемых неорганизованных граждан, которые легко достигаемы для магнетических и привлекательных личностей, и эффективному эксплуатированию последними новейших коммуникационных технологий в целях манипулирования эмоциями и контроля над разумом»[8,С.45].

Лично участвовал в создании многих очагов управляемого хаоса в разных точках мира (в том числе и в СССР) современный американский стратег, геополитик и дипломат Стивен Манн, который считает, что современные научные достижения последних 30 лет и растущая сложность международных отношений толкают нас в «экзотическую теорию хаоса и самоорганизованную критичность». Ибо международные отношения, на его взгляд, представляет собой нелинейную динамическую систему, состоящую из акторов - наций, религий, политических движений, государств, которые сами по себе являются динамическими системами. Поэтому настоящая ценность теории хаоса находится в сфере национальной стратегии. Международная среда является превосходным примером хаотической системы, где «самоорганизованная критичность» проявляется в том, что самые мизерные отклонения в начале движения, политического процесса могут привести к огромным различиям позднее - другими словами, крохотные причины могут вызвать непропорциональный эффект в политике спустя определенный интервал времени. Представление международного кризиса в качестве «пороховой бочки», на взгляд С. Манна, является наиболее распространенным проявлением «самоорганизованной критичности». Так, убийство эрцгерцога в не приметном балканском городишке, по его мнению, инициировала мировую катастрофу, приведшую к гибели 15 миллионов человек в Первую мировую войну. Следовательно, ключ к успешной мировой политике – в определении и умелом использовании этого критического состояния. В одних случаях мы должны избегать этого состояния, в других поощрять его и искать пути политического переустройства. Он, подчеркивая место теории хаоса в геополитике, пишет: «Конечно, для нас, как стратегов, важно одержать триумф

над хаотической природой происходящего и навязать свое искусство дипломатии или войны, но прежде нужно воспринимать мир таким, каков он есть, а не таким, каким нам бы хотелось его видеть. Мы должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам – например, при уничтожении иракской военной машины и государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор». В качестве основных механизмов «создания хаоса» на территории геополитического противника С. Манн называет:

- либеральную демократию;
- рыночные реформы;
- повышение жизненного стандарта у политической элиты;
- вытеснение из общества национальных ценностей и идеологии .

Отсюда, по его мнению, настоящей целью национальной стратегии является формирование широкого контекста вопросов безопасности, направленного на достижение в конечном итоге желаемого состояния. Для этого должна быть создана самоорганизующую критичность на основе конфликтной энергии людей, которая порождается с помощью идеологии, играющую роль программного человеческого вируса. С этим идеологическим вирусом в качестве своего оружия США смогут вести самую мощную «биологическую» войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальным правам человека. Вирус будет самовоспроизводиться и будет распространяться хаотическим путем в различных странах и культурах. Это единственный путь, с точки зрения С. Манна, для построения мирового порядка в интересах США. Отсюда важна поддержка Информационного агентства США, Фонда содействия демократии и других программ образовательного обмена из частного сектора. Эти программы заложены в основу агрессивной стратегии национальной безопасности. Настоящее поле битвы в сфере национальной безопасности, отмечает С. Манн, является, говоря метафорически, вирусным по природе[3].

В основу геополитики хаоса легли труды целого ряда других, известных на Западе исследователей. Среди них важное место занимают работы Джина Шарпа (*Gene Sharp*), основателя Общественного Института имени Альберта Эйнштейна (Центра “ненасильственных действий как способа ведения войны” по определению самого Шарпа). Он стал известным в мире своими книгами по теории и практике ненасильственной борьбы. Среди этих работ наиболее популярными стали: «От диктатуры к демократии» («From Dictatorship to Democracy») и «198 методов ненасильственных действий» («198

Methods of Nonviolent Action»), которые переведены на десятки языков и используются, как практические пособия при организации «цветных» и «бархатных» революций по всему миру. Активисты этих революций проходили непосредственное обучение в руководимом Шарпом Институте Альберта Эйнштейна. Среди этих активистов можно назвать представителей сербского движения «Отпор», грузинского «Кмара», украинского «Пора», киргизского «КелКел» и белорусского «Зубр» и т.д. Работа Шарпа «Основы гражданской обороны» была использована литовскими, латвийскими и эстонскими политиками в их борьбе за отделение от Советского Союза. Шарпа вдохновляли организаторов современных арабских революций. Открытие Института Шарпа было финансировано «Открытым обществом» Дж. Сороса. Летом 2003 года деньгами Сороса финансировался десант «Отпора» в Грузию, где около тысячи студентов прошли тренинг по организации уличных демонстраций. Все три наиболее активные в свержении Шеварднадзе организации - телеканал «Рустави-2», молодежное движение «Кмара» («Довольно»), созданное по типу сербского «Отпора», и партия «Национальное движение» Саакашвили - в той или иной степени финансировались через фонды Сороса.

Ключевая идея Дж. Шарпа заключается в том, что власть не является монолитной и объективной и основана на послушании народа. Если народ перестает подчиняться, лидеры автоматически теряют власть. Он предлагает тщательно продуманные и наиболее эффективные способы успешного разрушения недемократического государства с помощью т.н. программы ненасильственных действий. Недемократическими, тоталитарными и авторитарными государствами, по Дж. Шарпу, являются все те государства, которые живут не по западным моделям, не соответствуют развитым западным демократиям. Для успешного разрушения диктатуры, по мнению Дж. Шарпа, необходимо знать ее наиболее слабые стороны. Зная о слабостях режима, отмечает Шарп, демократическая оппозиция может попытаться намеренно усугубить их акциями политического неповиновения, чтобы добиться коренных изменений системы или ее полного разрушения.

Дж. Шарп четко различает три определенных класса ненасильственного оружия в ненасильственной борьбе: ненасильственный протест и убеждение, несотрудничество и ненасильственная интервенция. Несотрудничество заключается в намеренном неодобрении, уклонении или открытом неповиновении в определенных существующих отношениях - экономических, социальных или политических. Действия могут быть спонтанными или запланированными, законными или незаконными. Методы несотрудничества разделяются на три категории:

1. Методы социального несотрудничества (включая социальные бойкоты);
2. Методы экономического несотрудничества (подразделяющиеся на экономические бойкоты и забастовки);

3. Методы политического несотрудничества (также известные как политические бойкоты).

Методы ненасильственной интервенции, применяемые в определенных ситуациях, по мнению Шарпа, коренным образом изменяют ее. К ним относятся посты, сидячие забастовки, протесты, ненасильственные заграждения, утверждение новых социальных установок, альтернативные экономические структуры, розыск тюремных заключенных, продолжение работы без сотрудничества, создание параллельного правительства. Ненасильственные действия способствуют достижению этих результатов. Эти действия, с точки зрения Дж. Шарпа, представляют джиу-джитсу в политической борьбе.

Распространенной ошибкой прошлых кампаний политического неповиновения, заключает Дж. Шарп, являлась ставка всего на один или два метода, например, забастовки и массовые демонстрации. На деле же существует множество методов, позволяющих стратегам сопротивления по мере необходимости концентрировать борьбу или расплыть ее. Он разбивает эти 198 методов на три общих категории: протест и убеждение, отказ от сотрудничества и вмешательство. Методы ненасильственного протеста и убеждения в основном включают символические демонстрации, в том числе процессии, марши и пикеты (54 метода). Отказ от сотрудничества разделяется на четыре подкатегории: (а) отказ в социальном сотрудничестве (16 методов), (б) отказ в экономическом сотрудничестве, в том числе, бойкоты (26 методов) и забастовки (23 метода), и отказ в политическом сотрудничестве (38 методов). Ненасильственное вмешательство с использованием психологических, физических, социальных, экономических или политических средств, таких как голодовка, ненасильственная оккупация и параллельное самоуправление (41 метод), образует последнюю группу.

Дж. Шарп подчеркивает, что в процессе подготовки генеральной стратегии необходимо оценить соотношение внутреннего сопротивления и внешнего давления при разрушении политической системы. Необходимо, пишет он, приложить усилия, направленные на создание негативного по отношению к властям мирового общественного мнения. Усилия могут быть направлены на принятие правительственными и международными организациями дипломатических, политических и экономических санкций против властей. Санкции могут принимать формы экономических эмбарго и эмбарго на поставку вооружений, снижения уровня дипломатических отношений и разрыва дипломатических связей, запрета экономической помощи и инвестиций в страну с авторитарным правлением, исключения правительства из различных международных организаций и органов Объединенных Наций. Более того, непосредственно демократическим силам может предоставляться международная помощь, такая как финансовая поддержка и обеспечение средствами связи. Дж. Шарп остерегается так называемые демократические силы от переговоров с политическим режимом, потому что переговоры с

политическими оппонентами, по его мнению, - это поиск определенного консенсуса, задаваемого в национальном поле. Точно также Дж. Шарп остерегается вмешательства военных в процесс революции пусть даже на стороне самих революционеров. Потому что вмешательство военных, на его взгляд, угрожает новой диктатурой. Поэтому автор обращает внимание на необходимость разработки в самом начале т. н. освободительной борьбы отдельной стратегии общения с войсками и чиновниками диктаторов. Такого рода усилия должны быть направлены в конечном счете на моральное разложение армии режима и на переподчинение ее демократическому движению. Аналогичные стратегии могут применяться в отношении полиции и государственных служащих, заключает он. Итак, те технологии, которые предлагаются Дж. Шарпом, выстроены таким образом, чтобы ни в коем случае на месте разрушаемого прежнего государства не допустить появления нового суверенного государственного субъекта, нового независимого центра власти в замен прежней[7].

Недавние события в арабском мире, Северной Африке, «оранжевые» революции в постсоветском пространстве, выборы в Государственную Думу и Президента Российской Федерации показывают, что при плавном количественном изменении социальных параметров можно привести общество в предпороговом состоянии «самоорганизованной критичности», «контролируемой нестабильности и турбулентности». Об этом свидетельствует и горький исторический опыт Советского Союза. «Научным» обоснованием антисоветской стратегии, которая сформировалась в геополитику «управляемого хаоса», занималось на Западе свыше 400 различных исследовательских центров. Не случайно, развал СССР В. В. Путин назвал самой большой геополитической катастрофой XX века.

Список литературы

1. Лебедева И. Мусорные революции как бизнес: [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.otchestvo.org.ua/main/200710/1635.htm> (дата обращения: 15.09.2011).
2. Малинецкий Г. Прогнозы и сценарии развития: [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.jankoy.org.ua/page.php?id=2812> (дата обращения: 27.07.2011).
3. Манн С. Реакция на хаос: [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html (дата обращения: 11.08.2011).

4. Мямлин К. Управляя хаосом: [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://rossia3.ru/ideolog/nashi/upr_haos(дата обращения:19.07. 2011).
5. Нурышев Г.Н. Современная Россия в глобальном мире: геополитический анализ. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic, 2012. – 345 с.
6. Рамоне И. Геополитика хаоса / Пер. с франц. И. А. Егорова. – М.: ТЕИС, 2001. – 128с.
7. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/sharp.htm> (дата обращения:17.07.2011).
8. Brzezinski Z. Between Two Ages: Americas Role in the Technetronic Era.- NewYork: TheVikingPress, 1970. - 355 p.